

ПОСТ-ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ И НОВАЯ ПАРАДИГМА АРХИВНОГО ДЕЛА, ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Горпинич Дарина Николаевна

СПБ ГБПОУ «Академия инженерных технологий и управления»

e-mail: egorovadarina95@gmail.com

Сколько цифровых объектов создаётся каждую минуту? По данным исследования *Data Never Sleeps*, только в 2025 году каждые 60 секунд в мире отправлялось 250 миллионов писем, загружалось 500 часов видео на YouTube и появлялось 70 тысяч новых постов в Instagram*¹ [5]. Какая часть этого гигантского массива будет доступна историкам через 50 лет? Традиционные методы архивной науки, ориентированные на дискретный материальный документ, не просто устаревают - они становятся препятствием для понимания того, как фиксируется и транслируется в будущее реальность сегодняшнего дня.

Ещё недавно документ понимался как материальный объект, созданный с целью фиксации и передачи информации во времени и пространстве. Бумага, фотоплёнка, магнитная лента – всё это имело физическое воплощение, поддавалось экспертизе ценности, учёту и хранению в архивах. Однако с повсеместным внедрением цифровых технологий ситуация кардинально меняется. Итальянский теоретик Луиджи Кумале вводит понятие «пост-документальной реальности», где документирование происходит автоматически и непрерывно. Каждый наш шаг в цифровом мире: лайк, геолокация, поисковый запрос, сообщение в мессенджере оставляет след, который сохраняется и становится частью гигантского информационного потока. Кумале называет этот поток «бесформенным архивом» [2, с. 48]. Немецкий медиаархеолог Вольфганг Эрнст уподобляет современный архив «машине времени», где доступ к прошлому определяется уже не логикой исторического нарратива, а работой поисковых алгоритмов [4, с. 125].

Методологическую основу исследования составляет сочетание средового подхода и эпистемологического анализа. Средовой подход рассматривает документ не изолированно, а в контексте порождающих его инфраструктур (технических, правовых, социальных), что особенно важно для понимания цифровых платформ. Эпистемологический анализ направлен на выявление условий возможности архивного знания в цифровую эпоху, как меняются критерии истины, подлинности и ценности. Такое сочетание позволяет избежать как технологического детерминизма, так и наивного культурализма, и сосредоточиться на конкретных механизмах трансформации.

Особый интерес представляет преломление этих глобальных тенденций в российском контексте. Действие законов о «приземлении» IT-гигантов, требования локализации персональных данных, практика блокировок и удаления контента создают уникальную ситуацию, в которой корпоративные

¹ * Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории Российской Федерации (решение Тверского суда Москвы от 21.03.2022), 18+.

архивы сталкиваются с государственным регулированием, а исследователи с дополнительными барьерами доступа [3]. Однако, как будет показано, это не отменяет, а лишь усугубляет фундаментальные кризисы, свойственные пост-документальности в целом.

Цель работы – выявить ключевые точки несовместимости классической архивной парадигмы и новой цифровой реальности, опираясь на концепции Кумале и Эрнста, и предложить концептуальные рамки для трансформации архивной практики, учитывающие как глобальные тренды, так и российскую специфику. Научная новизна исследования заключается в формулировке двух гипотез, развивающих теорию пост-документальности применительно к современным архивным практикам, а также во введении различий (хранение и архивация, содержательная и инфраструктурная подлинность, архивная и алгоритмическая логика), которые могут служить инструментарием для дальнейших эмпирических исследований.

Классическое документоведение определяло документ через ряд признаков: материальный носитель, наличие информации, предназначенность для передачи во времени и пространстве, достоверность (подпись, печать). Документ был дискретен, его можно было выделить из среды, описать, поместить в дело, присвоить номер.

Пост-документальная реальность, по Кумале, характеризуется переходом от дискретности к континуальности. Информация больше не оформляется в законченные «документы», а течёт непрерывным потоком. «Бесформенный архив» не имеет чётких границ, он не структурирован по привычным архивным правилам (фонд, опись, дело). Это просто масса данных, в которой потенциально есть всё, но актуально нет ничего, пока алгоритм не извлечёт это по запросу [2, с. 52].

Эрнст дополняет эту картину, показывая, что в цифровой среде архив перестаёт быть местом хранения «прошлого» как завершённого этапа. Благодаря постоянной оцифровке и переиндексации прошлое становится частью настоящего, доступного по клику. Но доступ этот опосредован не историком-архивистом, а алгоритмической логикой поисковых систем. То, что мы увидим о прошлом, зависит не от значимости события, а от частоты запросов, релевантности тегов и коммерческих приоритетов платформ [4, с. 130].

Яркими примерами «бесформенного архива» служат агрегаторы новостей (Google News, Яндекс. Новости) и стриминговые платформы (Твич). Google News не хранит тексты статей в неизменном виде, а индексирует их, собирая по алгоритмическому принципу. Если первоисточник будет удалён, что останется в «архиве»? Только ссылка на несуществующий объект. В российском контексте: удаление материалов по требованию Роскомнадзора или самого издания создаёт «чёрные дыры» в новостной ленте, которые не фиксируются как утрата, а просто исчезают из поля видимости. Spotify или Apple Music хранят не альбомы как законченные единицы (подобно грампластинкам в фонотеке), а бесконечные потоки пользовательских плейлистов и данных о предпочтениях. Это архив не «произведений», а «вкусов» – континуальный,

постоянно меняющийся набор данных. Другой показательный случай: платформы для разработчиков (GitHub). Код проекта живёт в бесконечных форках, коммитах, пулл-реквестах (pull request). Здесь нет финального документа, есть процесс, который сам становится объектом потенциального архивирования.

Таким образом, на смену «документу-свидетельству» приходит «цифровой след», потенциальный документ, актуализируемый лишь в момент востребованности.

Переход к пост-документальной реальности порождает серию кризисов, подрывающих самые основы архивоведения.

Традиционный архив гарантировал подлинность документа через процедуры удостоверения: подпись, печать, экспертизу. В цифровой среде подделать след так же легко, как и создать его. Дипфейки, фотешоп, фальсификация метаданных ставят под вопрос саму возможность верификации. Если любой цифровой объект может быть симулякром, то как архивист будущего сможет отличить реальное свидетельство от искусно созданной подделки?

Показателен пример архивации твитов во время важных политических событий (штурм Капитолия в США 6 января 2021 г., массовые протесты в Иране 2022 г.). Когда оригинальные сообщения удаляются платформами (Twitter/X², Instagram³), исследователи полагаются на независимые архиваторы (например, Internet Archive, проекты вроде Politwoops), которые сохранили скриншоты или метаданные. Но верификация таких «следов» требует уже не архивной экспертизы в старом смысле, а доверия к технологии валидации (хешированию, блокчейн-меткам), что подменяет понятие подлинности понятием технической непротиворечивости. В российском контексте ситуация осложняется тем, что государственные органы могут требовать предоставления «официальных» копий, но сам критерий официальности размывается. Что считать оригиналом электронного документа, подписанного простой электронной подписью, если инфраструктура проверки принадлежит коммерческому удостоверяющему центру?

Экспертиза ценности один из сложных моментов архивного дела. Архивист всегда решал, что сохранить для истории, а что уничтожить. В условиях тотальной регистрации всего объём данных колоссален. Сохранять всё физически невозможно (и бессмысленно). Но если сохраняется всё в цифровом виде, то теряется сам принцип отбора: ценность перестаёт быть селективной категорией. В «бесформенном архиве» всё равноценно, а значит, ничто по-настоящему не ценно.

Сегодня проблема смещается: мы сохраняем почти всё, но теряем способность находить нужное без помощи алгоритмов. Классический пример:

² * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением недостоверной общественно значимой информации, 18+.

³ * Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории Российской Федерации (решение Тверского суда Москвы от 21.03.2022), 18+.

Wayback Machine (архив Интернета), содержащий петабайты данных. Доступ к истории сайта возможен только по конкретному URL и дате. Невозможно задать поисковый запрос: «покажи мне, как менялось освещение техники Apple в российских СМИ за последние 20 лет». Инструменты поиска и аналитики отстают от объёмов хранилища. Селекция происходит в момент запроса, и её критерии задаются не архивистом, а разработчиками поискового движка.

В традиционном архиве документ существовал в системе связей: фонд, дело, лист. Это позволяло понимать не только текст, но и его происхождение, функции, связи с другими документами. Цифровой след лишён такого контекста. Отдельный лайк или геолокация ничего не значат без огромного массива метаданных, но метаданные тоже часть потока. Возникает бесконечная регрессия: чтобы понять один документ, нужно сохранить миллион других. Контекст распыляется.

Стоит различать внутренний и внешний контекст. Внутренний (связь документа с делом/фондом) в цифровой среде действительно исчезает, но взамен возникает бесконечно разветвлённый внешний контекст: гиперссылки, репосты, комментарии, метаданные, а этот внешний контекст крайне хрупок. Исследователи говорят о «ссылочном распаде»: согласно исследованиям Гарвардского университета, половина ссылок в решениях Верховного суда США, опубликованных в 2000-х годах, сегодня ведут на несуществующие страницы [8]. Мы видим текст решения, но не видим тех документов, на которые он опирался, поле дискуссии безвозвратно утеряно, документ сохранён, контекст уничтожен.

Кто сегодня является главным хранителем цифровой памяти человечества? Государственные архивы, подчиняющиеся законодательству и несущие ответственность за сохранность или корпорации вроде Google, Meta (Facebook⁴), Apple, которые хранят наши письма, фото, перемещения, но руководствуются коммерческой выгодой, а не миссией сохранения исторического наследия?

Корпорации не просто хранят данные, а определяют форматы, протоколы доступа и политику видимости. Это «инфраструктурная власть». После скандала с Cambridge Analytica (2018) компания Meta (Facebook) резко ограничила доступ к данным через API для исследователей. В частности, был закрыт доступ для проекта Social Science One [6], который должен был предоставить учёным массив из 10 миллионов URL для изучения дезинформации. Тысячи научных проектов, полагавшихся на этот «публичный» поток, были остановлены или заморожены на неопределённый срок.

Здесь мы сталкиваемся с ключевым проявлением институционального кризиса: корпорации занимаются хранением (сохранением битов), но не занимаются архивацией (созданием смысловых связей, экспертизой ценности, обеспечением доступности во времени). Разрыв между этими функциями и есть суть проблемы. Google хранит письма Gmail, но не гарантирует, что через 50

⁴ * Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории Российской Федерации (решение Тверского суда Москвы от 21.03.2022), 18+.

лет историк сможет восстановить контекст переписки. GitHub версионировывает код, но не архивирует его в библиотечном смысле. Только единичные проекты приближаются к полноценной архивации. Например, проект Библиотеки Конгресса по архивации всех твитов (2010–2017) столкнулся с неразрешимыми трудностями: к 2017 году было собрано более 500 миллиардов твитов, но отсутствие инструментов для их содержательного анализа и индексации фактически сделало коллекцию «чёрным ящиком», доступным лишь для ограниченного круга специалистов [7].)

В российском контексте институциональный кризис приобретает дополнительные измерения. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и поправки о «приземлении» IT-гигантов требуют от иностранных платформ открывать представительства и хранить данные российских пользователей на территории РФ [3]. Формально это должно облегчить доступ правоохранительных органов и, возможно, исследователей, но на практике приводит к фрагментации данных, ведь часть пользовательского контента хранится за рубежом, а часть локально, и целостная картина становится недоступной ни для одной из сторон. Более того, законодательство о персональных данных ограничивает возможности архивации даже для государственных архивов: например, архивирование переписок в соцсетях без согласия пользователей невозможно, что делает невозможным формирование репрезентативных коллекций.

Другой пример: судьба архивов LiveJournal после миграции пользователей и смены владельцев. Посты формально сохранились на серверах, но исчезло сообщество, исчезла возможность видеть живые обсуждения, исчез контекст эпохи. Исследователи русского интернета 2000-х годов (например, проекты «Цифровая культура» и «Траектории блогосферы») указывают, что при попытке реконструировать дискуссии того времени по сохранённым постам невозможно восстановить диалоги, так как комментарии часто хранились отдельно или были утрачены при смене движка [1]. С Flickr после покупки SmugMug произошла аналогичная история: тысячи фотографий уцелели, но удобство навигации и социальные связи вокруг них были разрушены, данные есть, а архива нет.

Можно ли противостоять этим деструктивным тенденциям? Возврат к «бумажному» архиву невозможен, но возможно переосмысление роли архивной науки через внедрение новых принципов и институциональных моделей. На основе проведённого анализа сформулировано две гипотезы, которые могут задать направления для дальнейших исследований и составляют основной научный вклад данной работы.

Гипотеза 1 (о переходе к инфраструктурной подлинности). Методы валидации цифровых объектов будут развиваться в сторону децентрализованных протоколов аутентификации (блокчейн, хеш-функции), что приведёт к частичной замене эксперта программой. Архивист будущего будет не столько проверять содержание, сколько оценивать надёжность инфраструктуры, зафиксировавшей след, – это подтверждает тезис о переходе от содержательной подлинности к подлинности инфраструктурной. В

российском контексте этот переход может быть ускорен или искажён государственными требованиями к сертификации средств криптографической защиты и созданием национальных блокчейн-платформ, что требует отдельного изучения.

Гипотеза 2 (о реабилитации микроформ). В условиях «ссылочного распада» и нестабильности внешнего контекста возможна реабилитация микроформ, исследователи будут чаще опираться на сохранённые скриншоты и PDF, возвращаясь к «дискретному» документу как к более надёжному, хотя и менее аутентичному способу фиксации. Эта тенденция уже проявляется в практике локального архивирования, что позволяет прогнозировать парадоксальное сосуществование потоковых архивов и архаичных «твёрдых копий» в будущем. В России этот тренд может усилиться из-за политики блокировок: пользователи и исследователи вынуждены создавать локальные копии сайтов и страниц, опасаясь их внезапного исчезновения из российского сегмента сети.

Эти гипотезы открывают перспективы для эмпирической проверки: например, изучение практик работы российских архивистов с электронными документами, анализ востребованности скриншотов в судебных делах, сравнение политик доступа к API зарубежных и российских платформ.

Кроме того, можно наметить три направления трансформации архивной практики, которые согласуются с выдвинутыми гипотезами:

Во-первых, проблема верификации цифровых объектов решается не столько блокчейном (который сам создаёт новые сложности), сколько принятием принципов FAIR-данных (Findable, Accessible, Interoperable, Reusable). Архивист будущего должен стать специалистом по обеспечению: он не просто хранит, а создаёт условия, при которых данные могут быть найдены, интерпретированы и повторно использованы без потери смысла. Это предполагает активную работу с метаданными, стандартами описания и совместимостью форматов.

Во-вторых, доступ к корпоративным архивам требует новых правовых механизмов. Одним из решений может стать создание гибридных исследовательских сред: «виртуальных читальных залов», где учёный получает доступ к закрытым данным (например, массиву постов или поисковых запросов) через защищённый интерфейс, может выполнять свои алгоритмы, но не может извлечь сырые данные, нарушив приватность пользователей или коммерческую тайну. Такие модели уже обсуждаются в Европе в контексте Digital Services Act; в России аналогичные подходы могли бы быть реализованы на базе Национальной электронной библиотеки или специализированных исследовательских центров.

В-третьих, профессия архивиста трансформируется в профессию «архитектора алгоритмической памяти». Современный архивист должен понимать, как работают алгоритмы поиска и ранжирования, чтобы критически оценивать ту картину прошлого, которую эти алгоритмы конструируют. Становясь не просто хранителем текстов, а аналитиком кода, формирующего нашу память.

Концепция пост-документальной реальности высвечивает не просто технологические трудности, а фундаментальный сдвиг в онтологии документа. Автоматическая регистрация всех цифровых следов, превращение архива в бесформенный поток и машину времени, управляемую алгоритмами, подрывают самые основы классического архивоведения. Стоит выбор: либо архивная наука останется наукой о хранении материальных останков прошлого и утратит связь с настоящим, либо она превратится в дисциплину, изучающую организацию доступа к текущей реальности для будущих поколений.

Научный вклад данного исследования заключается в обосновании двух гипотез (о переходе к инфраструктурной подлинности и о реабилитации микроформ), которые задают программу дальнейших эмпирических изысканий, а также во введении концептуальных различий (хранение и архивация, содержательная и инфраструктурная подлинность, архивная и алгоритмическая логика), позволяющих более строго описывать кризисные явления. Российский контекст, с его специфическим правовым регулированием и практиками блокировок, не отменяет глобальных трендов, но придаёт им дополнительные измерения, требующие отдельного анализа.

Ответ на вопрос, вынесенный в заглавие, зависит от того, насколько быстро профессиональное сообщество осознает необходимость новой концептуальной рамки. Пост-документальная реальность требует не защиты старых институтов, а создания новых алгоритмически грамотных и этически ответственных. И первый шаг к этому признание, что документ в его классическом понимании уступает место следу как событию: объект архивной работы более не предшествует акту архивации, но конституируется им в момент исследовательского запроса.

Список использованных источников

1. Горный Е., Шульман Е. Архитектура блогосферы: как сохранить живой журнал // Цифровая культура. – 2021. – URL: <https://digitalculture.ru/articles/archiving-livejournal> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Кумале Л. Бесформенный архив: цифровая память и кризис документа / пер. с итал. // Теория моды. – 2020. – № 4. – С. 45-60.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 27.02.2026).
4. Эрнст В. Архив как машина времени : медиархеология и цифровые технологии / пер. с нем. // Логос. – 2021. – Т. 31, № 5. – С. 121-140.
5. Data Never Sleeps 2025 // Domo. – URL: <https://www.domo.com/data-never-sleeps> (дата обращения: 25.02.2026).
6. King G., Persily N. A New Model for Industry–Academic Partnerships // PS: Political Science & Politics. – 2019. – Vol. 52, No. 4. – P. 1–7.
7. Zimmer M. The Twitter Archive at the Library of Congress: Challenges for Data Preservation and Access // Journal of Information Ethics. – 2015. – Vol. 24, No. 2. – P. 35–48.

8. Zittrain J., Albert K., Lessig L. Perma : Scoping and Addressing the Problem of Link and Reference Rot in Legal Citations // Harvard Public Law Working Paper. – 2013. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2329161 (дата обращения: 25.02.2026).